

Гомосексуализм во времена классической Античности

Гомосексуализм во времена классической Античности

Анжело ди Берардино, O.S.A.

Президент института патристики св. Августина, Рим

Этические ценности классической античности, как правило, не базировались ни на религиозных нормах, целью которых было лишь указывать на религиозную чистоту или нечистоту, ни на каком-либо конкретном авторитете. Их более или менее обязывающая моральная сила опиралась на социальный консенсус, выступивший как источник чувств чести или стыда - чувств, имевших исключительный психологический резонанс и чрезвычайное влияние в античном обществе. В определенных случаях тот, кто преступил моральные нормы, мог быть обвинен в *infamia* (позор), что влекло за собою частичное или полное исключение из общества и лишение гражданских прав. Духовными вождями были не жрецы, но философы и, в некоторых отношениях, поэты и писатели. Опираясь на сохранившиеся источники, мы можем реконструировать античную ментальность и соответствовавшие ей поведение лишь частично; более того, эта информация не относится к плебейским массам, о которых мы знаем очень мало. Таким образом, всякая дискуссия о классической цивилизации носит в той или иной степени приблизительный характер - поскольку у нас нет возможности сравнить разные города и разные народы. Данное введение призвано помочь нам понять относительность локальных моральных поводов, которые не могут быть использованы для создания всеобъемлющей реконструкции.

Древняя Греция

Римляне называли гомосексуальные отношения, практиковавшиеся с юношами, или точнее с эфебами (в Др. Греции свободно рожденный юноша, обучавшийся военному делу), «греческим пороком» (Ногасе, Ер. 2,1,156). Они справедливо указывали на то, что в более древние времена эти отношения были в Риме неизвестны. Традиционный римской ментальности они представлялись чем-то совершенно чуждым, иноземным, и поэтому безоговорочно осуждались. Однако, во времена Горация, они получили определенную распространение в Риме, где бытовали различные их формы. Цицерон писал: «Мне кажется, что обыкновение это - любить мальчиков - происходит из греческих гимназий, где подобным любовным делом относятся снисходительно и терпимо» (*Tusculanae* 4,33). Ученые спорят об истоках практики мужского гомосексуализма в классической Греции: развивалась ли она как последствие древних инициационных ритуалов, или из-за обычая полностью изолировать мужчин от «приличных» женщин, которые были заперты и недоступны в своих *gynesium*, предназначенных для них жилых половинах. Мальчики, проходящие подготовку к активному участию в политической и социальной жизни города, получали образование в гимназиях, куда девочки не допускались.

Женская гомосексуальность была фактически неизвестна; единственная информация, которой мы располагаем, касается 7-6 вв. до н. э., периода, когда в Греции жила Сафо. Позже лесбийская любовь не упоминалась, будучи социально неприемлемой. С другой стороны, мужской гомосексуализм в форме эфебической любви был распространен и всячески восхвалялся, особенно в классических Афинах.

Социально приемлемым был не любой тип гомосексуальных отношений, а лишь тот, что соответствовал определенным моральным нормам города-государства.

Прежде всего, они были позволительны только между свободными гражданами. Попытка раба

добиться расположения свободнорожденного, и наоборот, не одобрялась, поскольку отношения с рабом, даже юным, не удовлетворяли воспитательным и образовательным целям, поскольку раб не являлся гражданином. Мужская проституция также не поощрялась в обществе. Гомосексуальная любовь, которая могла выражаться и физически, в первую очередь представляла собой духовное и интеллектуальное явление, при этом взрослый преследовал по отношению к подростку педагогические цели.

Македонский закон, во избежание «недостойных» любовных романов, запрещал лицам определенных категорий посещать гимназии, где занимались мальчики. Ухаживать за мальчиками полагалось серьезно, с принятием на себя соответствующих обязательств, даже с подарками; влюбленному полагалось демонстрировать искренность своей любви и свою интеллектуальную вовлеченность. Объектом любви могли быть избраны только подростки с 12 до 17 лет (*εγονοί*), а не более младшие мальчики и не взрослые. Бесчестным считалось соблазнять маленьких мальчиков, ведь они считались еще неспособными сами выбрать себе влюбленных. Если участвовавший в любовных отношениях мальчик, став взрослым, продолжал играть пассивную роль, он подвергался резкому порицанию. Общество принимало только отношения между взрослыми и подростками. Взрослый мог быть женат и иметь детей, и при этом - своего мальчика, *país*. Развращенным считался только тот, кто в отношениях с партнером выбирал пассивную роль, а не всякий гомосексуалист. Более того, осуждению подвергался только проституирующий мужчина, продававший свою любовь. Мужская проституция каралась лишением политических и гражданских прав, но клиент наказанию не подлежал. Древние не противопоставляли гетеросексуальную любовь гомосексуальной (они могли существовать одновременно), но проводили резкое различие между пассивной и активной ролью. Последняя была характерна для взрослых мужчин, в то время как первая, напротив, для женщин и мальчиков.

В основе этого греческого концепта, восходящего, возможно, к более раннему периоду, лежит идея, что гетеросексуальные отношения способны породить физическую жизнь, но только отношения между зрелым мужчиной и подростком могут подготовить юношу к социальной и политической жизни. Однако, подобные отношения были социально и легально приемлемы только для подростка, не переступившего границ юношеского возраста; впоследствии он был обязан занять иную позицию - позицию мужа в гетеросексуальных отношениях, в то же время, и *erastes* - любовника и наставника юного возлюбленного, с тем чтобы вовлечь его в жизнь города-государства. Греки классической древности были пассивно гомосексуальны в юности и гетеросексуальны в зрелости, продолжая при этом вести гомосексуальные отношения с подростками. Подобной любви искали также для интеллектуального общения с юношами, поскольку с женщинами это было невозможным: женщины считались неспособными. Поэтому средний грек был склонен влюбляться скорее в юношей; когда обсуждалась красота, говорили обычно о красоте мальчиков, а не женщин. Многие греческие мыслители ставили любовь к мальчикам выше любви гетеросексуальной, происходящей от естественного инстинкта размножения, что делало ее неполноценной по сравнению с гомосексуальной любовью, единственная цель которой - эстетическое наслаждение и общение. Существовало широкораспространенное убеждение, что истинная любовь к женщине невозможна; брак считался необходимостью и поэтому охранялся законом, но не рассматривался как результат любви, более того, вовсе не ассоциировался с любовью.

Однако все это не означало, что даже мужчины-греки могли свободно выражать свою бисексуальность. На самом деле, мужчины не могли ни открыто выражать свои чувства, ни следовать своим личным пристрастиям. Грек должен был практиковать гомосексуальные связи «в определенное время, с определенными индивидами и в согласии с определенными правилами» (E. Cantarella, *Secondo natura*, Milan 1995, p.171).

Закон регулировал и ограничивал гомосексуальные отношения с тем, чтобы они способствовали формированию хорошего гражданина, не дегенерируя в «вульгарные» любовные романы. Лесбийская же любовь, не имевшая значения для жизни города, не обсуждалась и законом не регулировалась. Поэтому о ней почти ничего не известно. С «порядочной» женщиной, физически и духовно изолированной от мужчин, нельзя было построить полноценный жизненный союз. Она выполняла репродуктивную функцию и была полезна городу только постольку, поскольку вынашивала и рожала новых граждан. Обычной женщине суждено было выйти замуж за человека, которого она не выбирала; у нее не было никакого другого выхода, разве что к еще худшей судьбе. Однако, несмотря на то, что брак для женщины был вынужденным, она могла искренне полюбить своего мужа. Неспособная представить себе никакой другой доли, кроме собственной, женщина проводила свою жизнь в подчинении и угождении мужу, питая к нему абсолютное уважение. Женщинами не рабынями, пользовавшимися наибольшей свободой, были гетеры, куртизанки, музицировавшие и плясавшие на пирах, которые воспринимались также как время и место для любви. В сущности, в Древней Греции не было «брачной морали», как это имело место быть в имперском Риме. Поскольку эфебическая любовь не исключала отношений с женщинами, она очень отличалась от того, что понимается под гомосексуализмом в современном мире; нам трудно постичь ее и то, как мужчины могли практиковать ее в контексте афинской цивилизации, обладавшей суровым моральным кодексом.

Трудно сказать, насколько широко – социально и географически – эфебическая любовь была распространена в этом городе-государстве. Как типическая черта жизни Афин в расцвете их могущества, она была характерна скорее для «элиты», чем для основной массы горожан; с приходом в упадок города и ослаблением социальных и образовательных функций гимнасиев, она стала сходиться на нет. В римскую эру такие отношения встречались с открытой враждебностью, пока наконец не были официально осуждены законом.

Классический Римский мир

В Риме культурный, политический и семейный контексты породили совершенно иное отношение к гомосексуальной любви; как мы уже говорили, «греческий порок» подвергался критике. Целью образования в римской традиции было воспитание истинно мужественных граждан, способных – в том числе и сексуально – только доминировать, но ни в коем случае не играть пассивную роль. Собственно, никогда эфебическая любовь не играла в Риме столь важной роли и не была так распространена, как в греческих городах-государствах; связано это было и с тем, что в Риме период отрочества был короче, чем в Греции. Гомосексуализм считался личным и частным делом, которое определялось наклонностями того или иного человека и которое не предполагалось демонстрировать публично. В качестве такового, он не был социально признан и не регулировался законом. Иногда он практиковался среди рабов; господин (*dominus*), обладавший в своей большой семье абсолютной властью, мог использовать как своих рабынь, так и юношей рабов. Таким образом, распространение гомосексуализма, не поощрявшегося социально, было весьма ограниченным. В некоторых случаях господин, для того, чтобы продемонстрировать свою власть и унижить того или иного человека, стоявшего ниже него на социальной лестнице, раба или свободного человека, мог применить по отношению к нему насилие. Даже когда, под влиянием греческой культуры, эфебическая любовь получила в Риме среди высших классов большее распространение, она так и не получила того этического и педагогического оправдания, какое имела в Греции; она не регулировалась никакими правилами.

Свободнорожденные мальчики – то есть дети граждан, даже рожденные вне брака, в отличие от того, как это происходило в Греции, ограждались римскими законами от ухаживаний и от любого насилия. Закон наказывал педерастию со свободными мальчиками, даже с их согласия

(*stuprum cum puero*), но не с рабами, не принимавшиеся в расчет обществом и законодательной системой; мужская проституция и пассивные сексуальные роли также были запрещены (*lex Scantia*). В реальности этот закон, во всяком случае, в отношении второго аспекта, соблюдался не часто. Те, кто занимался проституцией – как мужчины, так и женщины, считались *infames*, обесчещенными и, соответственно, лишались определенных гражданских прав. Термин «*stuprum*» обозначал сексуальные отношения с кем бы то ни было, кроме собственной жены или официальной сожительницы.

Вот как в 1 в н. э. было подытожено отношение римлян к гомосексуализму: «Это непристойное действие (пассивная роль в отношениях с другим мужчиной) – преступление для свободного, необходимость для раба и обязанность для вольноотпущенника» (Сенека, *Controversiae*, 4 praef. 10). Сам факт суда над вольноотпущенником, продолжавшим зависеть от человека, подвергшего его насилию, свидетельствуют о некоторой двойственности закона; однако свободный человек, имевший отношения с другим свободным, совершал преступление, и магистрат обязан был судить его даже без подачи соответствующей жалобы.

Более поздний период

Позже в Риме сложилась ситуация, когда греческое понимание гомосексуализма, в самый Греции находившегося тогда на спаде, достигло максимума своего влияния. Попытки контролировать его законодательно не увенчались успехом. Широко распространенное общественное неодобрение было более эффективным сдерживающим средством. Когда литераторы обсуждали любовь к мальчикам, было ли это обусловлено греческой модой или же тут было задействовано что-то еще? Упомянутый выше *lex Scantia* был полностью забыт. Однако в течении 2 и 3 веков н.э. имперские власти сумели внедрить в общественное сознание более сильное, чем ранние, отвращение к мужской проституции как к чему-то предосудительному, бесчестящему человека. Такое отношение стало возможным благодаря принципиальной перемене в менталитете, произошедшей и в греческом и в римском мире еще прежде, нежели появилась возможность христианского влияния на эти регионы. В римской империи стала распространяться одна общая этика.

Наиболее популярные философские школы учили воздержанию, особенно от секса. Медицинские тексты того времени настаивают на важности для мужского здоровья благоразумного образа жизни и, особенно, умеренности, в сексуальной активности (cf. A. Rousselle, *Sesso e societa*, Rome/Bari 1983, pp. 11ff.). Иногда врачи не рекомендовали гомосексуальные отношения скорее по соображениям сохранения и поддержания физического и душевного здоровья, чем по причинам, имеющим отношение к моральным ценностям. Соранус, врач 2 в н.э., считал гомосексуализм душевной болезнью (Cantarella, p. 260). Хотя философы, настоящие духовные вожди той эпохи, и знаменитые врачи обращались к представителям высших классов, все же тенденция к аскетизму и самоконтролю распространялась во всем обществе. В этом контексте проповедь христианства, в сексуальных вопросах укорененная в иудейской традиции, имела наибольший успех. В 4 в. В области общественной морали – трудно сказать, под влиянием христианства или нет – произошли глубокие изменения и имперское законодательство стало жестко вмешиваться в сферу гомосексуализма.

В 342 г. в Милане был принят первый закон, касающийся пассивных гомосексуалистов. Более суровые наказания были введены законом Феодосия 1, адресованном префекту Рима, где предусмотрена казнь через сожжение для «тех кто предает себя позору, подвергая свое мужское тело, обращенное в женское, употреблению, к которому предназначен другой пол» (*Coll. Legum Mos. et Rom.*, 5.3). Этот закон был вставлен в «Кодекс Феодосия» 438 г. В новой редакции осуждались все пассивные гомосексуалисты без различия. При императоре

Юстиниане законодательство было снова расширено: теперь смертной казнью карался любой вид гомосексуализма. Феодосий выдвинул как причину своего преследования гомосексуалистов желание избавить Рим, «мать всех добродетелей», от морального разложения; Юстиниан добавил к этому причины религиозного порядка. Законы Феодосия и Юстиниана, собранные в «*Corpus Iuris*», представляют собой то наследие, которое позднему римскому законодательству суждено было оставить последующим поколениям.